

Виктор Стефанович Кожемяко
Политические убийства. Жертвы и заказчики
Серия «Власть в тротиловом эквиваленте»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014076

Виктор Кожемяко. Политические убийства. Жертвы и заказчики: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4320-0069-9

Аннотация

Смена власти в России после развала советского государства сопровождалась целым рядом убийств и самоубийств, зачастую окутанных тайной. Есть среди них такие, которые, в силу определенных причин, получили широкую огласку. Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, министр внутренних дел Б.К. Пуго, поэтесса Юлия Друнина, журналист Дмитрий Холодов... Многие мало, кому известны. Но за каждой смертью стоят конкретные виновники. Кто же они, эти преступники, остающиеся безнаказанными? Когда ответят за содеянное? Об этом книга известного публициста Виктора Стефановича Кожемяко, автора книг и многих ярких публикаций в отечественной прессе.

Содержание

Кто виновники и когда ответят?	4
Глава первая	6
Тайна смерти маршала Ахромеева	6
«Не могу, не хочу смотреть!»	21
Тогда они не колебались	21
Воздастся каждому по делам его	31
Ее убивали дважды	32
Черная тень	32
Кто ее истязал	35
Об этике и совести	36
Какие мы сегодня	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Кожемяко

Политические убийства.

Жертвы и заказчики

Кто виновники и когда ответят?

Жестокое, безжалостное время... Такими останутся 90-е годы двадцатого века в памяти тех, кто их пережил. Резко обесценилась жизнь человеческая. Убийства перестали быть чем-то чрезвычайным, превратившись чуть ли не в обыденное дело. И в способ захвата собственности, в грань политической борьбы...

Это не кончилось до сих пор: даже по официальной статистике число убийств в нашей стране за последние годы не сокращается, а растет. Начиналась же скорбная волна в сумрачные и не по-летнему холодные дни 1991 года, когда произошел роковой перелом в нашей стране. Словно зловещий пролог ко всему, что нас впереди ожидало, мелькнули среди бурного ликования победителей краткие сообщения трагического свойства.

Нет, я говорю не о троих «борцах за демократию», удостоенных официальной роли ритуальных жертв и посмертного (парадоксально!) звания Героев Советского Союза – страны, против которой, собственно, они боролись. Шум, поднятый вокруг случайной, но очень кстати пришедшейся гибели этих парней, не оставлял сомнений в его назначении.

Но вот другие три смерти, будто око за око и зуб за зуб. Все три – окруженные тайной.

Покончил с собой Маршал Советского Союза Ахромеев. Или его убили? Мало того, потом тело выкопали из могилы и надругались над ним.

Застрелился советский министр внутренних дел Пуго. Или его застрелили?

Выбросился из окна управляющий делами ЦК КПСС Кручина. Или выбросили его?

Проходит совсем немного времени – и кончает с собой известная всей стране женщина, фронтовая медсестра и знаменитый советский поэт Юлия Друнина. Что толкнуло ее на это? И нет ли здесь связи с тем, что в «демократической» прессе второй раз убивали в это время погибших на великой войне прославленных героев, в том числе юную и бесстрашную Зою Космодемьянскую? Поистине кощунству нет предела...

Все эти и многие другие последовавшие затем трагедии я называю убийствами при отягчающих обстоятельствах. Существует такое юридическое определение. Но, кроме юридического, есть во всем, о чем я рассказываю в этой книге, и безусловный нравственный смысл. То есть речь идет о преступлениях не только против права, но и против нравственности.

Едва ли не самой потрясающей из историй, которыми мне как журналисту довелось заниматься, стала судьба старого советского солдата Тимеряна Зинатова. Защитник Брестской крепости и Советской страны в 1941-м, он после разрушения СССР приехал на место прежних боев и лег под поезд – в знак протеста против политики Ельцина. Видимо, надеялся, что гибелью своей привлечет внимание страны и поможет ей образумиться. Увы...

За минувшие после 1991 года шестнадцать с лишним лет я прошел по следам целого ряда убийств и самоубийств, нередко окутанных тайной, рассказал о разных жертвах нового Смутного времени. Есть среди них такие, которые, в силу определенных причин, получили широкую известность, – например, молодой журналист Дмитрий Холодов или та же Юлия Друнина. Есть (их гораздо больше!) оставшиеся мало кому известными.

За время так называемых реформ Россия теряла ежегодно почти по миллиону человек. Это – статистика. Она безлична. Однако у каждого ушедшего нашего соотечественника было

свое лицо, была своя биография и судьба. Обо всех безвременно и насильственно покинувших этот свет можно сказать, что их убило время, убила нынешняя жизнь. Но есть и конкретные виновники каждой смерти.

Кто же они, эти виновники, остающиеся безнаказанными? Когда ответят за содеянное? И ответят ли?

Хочется верить, что ответят обязательно. В конце концов, есть высший суд – он, как сказал поэт, недоступен звону злата. Так пусть на неотвратимом суде, желательно и на земном, который рано или поздно должен состояться, среди других свидетельств совершенных преступлений будут представлены расследования и рассказы, собранные в этой книге.

Глава первая

Это произошло в роковом 1991-м

Тайна смерти маршала Ахромеева

Время идет, и уже есть немало людей, которые не знают, кто такой был Сергей Федорович Ахромеев.

Обращаясь к светлой памяти этого человека. Прежде всего потому, что, глубоко восхищаясь им, считаю необходимым напомнить некоторые нравственные уроки его жизни, особенно актуальные сегодня. А еще не дает покоя во многом загадочная его смерть...

Вспоминая жертвы августа 1991-го, в средствах массовой информации называют обычно троих погибших при весьма неясной обстановке на Садовом кольце и ставших, кажется, последними Героями Советского Союза. Гораздо реже пишут и говорят, что были еще трое. Покончившие с собой.

Их не относят ни к жертвам, ни тем более к героям. Какие там герои, если сами руки наложили на себя! И потом – кто были-то они? Управляющий делами ЦК КПСС, то есть махровый «партократ». Министр внутренних дел СССР – член пресловутого ГКЧП. Советник Горбачева по военным вопросам, тоже ГКЧП поддержавший...

Надо заметить, что уже тогда, когда это произошло (а самоубийства последовали одно за другим сразу после поражения «путча»), многие считали: никакие это не самоубийства, а организованные убийства. С целью устранить особо неугодных и для кого-то особо опасных свидетелей.

Ныне такая убежденность в значительной части общественного сознания не уменьшилась. И можно не сомневаться: сколько бы времени ни прошло и какие бы дополнительные аргументы, подтверждающие реальность самоубийств, ни публиковались, мнение о том, что это были убийства, хотя бы тенью, но останется. Таковы уж туманные и в чем-то мистически загадочные, необъяснимые обстоятельства всей той августовской истории – разное можно зачастую предположить, а вот доказать многое, доказать стопроцентно и твердо, оказывается невозможным. По крайней мере – пока.

Не с намерением поставить окончательную точку в исследовании разных версий смерти маршала Ахромеева взялся я в 1996 году за его дело пятилетней давности. Было бы это, пожалуй, слишком самонадеянно. Однако я знал и в ходе этой работы еще более убедился: дело «по факту смерти», прекращенное пять лет назад, вызывает ряд очень серьезных вопросов! Стало быть, их надо поставить публично.

Образ этого человека по многим своим достоинствам настолько ярок и уникален, а его трагедия настолько характерна для пережитого нами времени так называемой перестройки, что, я думаю, понять эту трагедию – значит лучше понять время.

Он стал в моем представлении одной из самых горьких жертв смутного времени, отмеченного знаком коварнейшего предательства.

И одним из самых благородных героев на все времена.

* * *

Из материалов следствия:

«...24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 «а» в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спinoй труп опирался на деревянную решетку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеящей лентой типа «скотч». Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено...»

Дальше в цитируемом документе будет еще не одно обращение к этой теме: добровольная смерть или насильственная? То есть самоубийство или убийство? Обращения понятные. С такого вопроса всегда начинается следствие в подобных ситуациях и на него пытаются в первую очередь дать ответ.

Заключение судебно-медицинской экспертизы в данном случае вроде однозначное: не обнаружено признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве. Опрошены свидетели – никто из них имя убийцы не назвал.

Этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы с абсолютной категоричностью записать:

«Лиц, виновных в наступлении смерти Ахромеева или каким-либо образом причастных к ней, не имеется».

И вот уже зам. Генерального прокурора РСФСР Е. Лисов, тот самый Евгений Кузьмич Лисов, который вместе со своим шефом – прокурором Степанковым играл главную роль в подготовке «процесса над ГКЧП», спешит дело о смерти Ахромеева прекратить. «За отсутствием события преступления»...

Мы еще вернемся к этой теме – было событие преступления или нет, имелись причастные к смерти или таковых действительно не существовало. Пока же хочу обратить внимание читателей на одну дату: постановление о прекращении дела подписано четыре месяца спустя после начала его – 19 декабря.

При других условиях, понимаю, не было бы в том ничего особенного. Но тут... Честное слово, не могу отделаться от впечатления, что к концу года торопились обязательно «закруглиться».

Цель, что ли, такая была поставлена? Задание дано? Прекратить, закрыть и поскорее забыть. А ведь в деле оставалось столько темного, противоречивого, столько фактов, буквально кричащих о том, чтобы их как-то объяснили!

Но... о «невыгодных» фактах в итоговом постановлении просто не упомянуто. Они просто опущены, дабы любому (и сразу!) не стало очевидно, что концы с концами здесь во многом не сходятся.

Явно не сходятся они и по второму пункту этого постановления – о прекращении «уголовного дела в отношении Ахромеева С.Ф. в части его участия в деятельности ГКЧП». Очень слышен тут вздох облегчения: нет человека – нет проблемы.

Удивительно ли, что многих, в том числе наиболее близких Сергею Федоровичу людей, версия следствия не убедила?

* * *

Восстановим хронику некоторых событий, непосредственно предшествовавших роковому дню – 24 августа 1991 года.

6 августа, по согласованию с президентом Горбачевым, его советник Ахромеев отбыл в очередной отпуск в Сочи. Там, в военной санатории, он и услышал утром 19-го о событиях в Москве. И сразу принял решение: лететь.

Вечером он уже был на своем рабочем месте в Кремле. Встретился с Янаевым. Сказал, что согласен с программой, изложенной Комитетом по чрезвычайному положению в его обращении к народу. Предложил начать работу в качестве советника и. о. Президента СССР.

Конкретное дело, порученное ему, состояло в сборе информации с мест о создавшейся обстановке. Организованной им вместе с Баклановым группой было подготовлено два доклада. Кроме того, по просьбе Янаева работал над проектом его выступления на Президиуме и на сессии Верховного Совета СССР. Задача – обосновать необходимость мер, принятых ГКЧП. Участвовал и в заседаниях комитета – точнее, той их части, которая велась в присутствии приглашенных.

Излагаю все это по тексту его письма в адрес Горбачева («Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву»), где маршал как бы докладывал потом о степени своего участия в действиях ГКЧП. Другие свидетельства, содержащиеся в деле, эти факты подтверждают.

Письмо датировано 22 августа. Провал ГКЧП уже очевиден, и Ахромеев пишет, что готов нести ответственность. Однако раскаяния в письме нет. И про самоубийство – ни слова.

Значит, если письмо подлинное и если самоубийство все-таки произошло, решение о нем стало окончательным не 22-го, а позже?

Согласно материалам следствия, на рабочем столе в кабинете Ахромеева после его смерти обнаружены шесть записок. Так вот, по датам первые две относятся к 23 августа. Одна, прощальная, – семье. Вторая – на имя маршала Соколова и генерала армии Лобова с просьбой помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни.

Как же прошел для него этот предпоследний день жизни, когда (если опять-таки не подвергать сомнению, что он убил себя сам) с жизнью и самыми дорогими ему людьми мысленно он уже прощался?

Было трудное заседание комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности. И вел себя на нем Сергей Федорович, как запомнилось очевидцам, необычно. Если раньше он всегда выступал и вообще был очень активен, то на этот раз все заседание просидел в одной позе, даже не повернув головы и не проронив ни единого слова.

Есть и другие, аналогичные, показания видевших его на работе. Темное лицо, состояние заметно подавленное. Что-то писал в кабинете, стараясь, чтобы входившие не видели, что он пишет. Можно предположить: те самые записки. Предсмертные...

Словом, налицо, кажется, признаки назревавшего и готовившегося им самим конца.

Но – немало серьезных оснований и для сомнения!

Прежде всего (это почти у всех и с самого начала) возникает вопрос: почему маршал выбрал такой необычный для военного способ самоубийства? Повеситься, да еще вот так – в сидячем положении, на куске шпагата, привязанного к ручке оконной рамы... Не по-военному это. Говорят, в криминальном мире, в тюрьмах, к такому методу самоуничтожения прибегают нередко, но откуда знать про него Ахромееву.

Следствие акцентирует внимание на том, что свой пистолет маршал сдал, уходя с поста начальника Генерального штаба; сдавал и оружие, которое позже дарилось ему высокими иностранными гостями.

Верно, сдавал. Однако были же у него снотворные и транквилизаторы, которые, как справедливо заметила в показаниях следствию его дочь, позволяли уйти из жизни гораздо менее мучительно. Почему не прибег к ним?

Почему, готовясь к смерти, местом ее определил не квартиру, которая в это время пустовала, поскольку семья находилась на даче, а (очень странно!) кремлевский кабинет? И кому адресована странная записка, судя по всему, самая последняя: «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась – порвался тросик. Очнулся в 10.00. Собираюсь с силами все повторить вновь»? Перед кем это он отчитывался?

Обе дочери Сергея Федоровича, с которыми он провел на даче последний вечер и утро последнего дня, не заметили в нем ни малейших признаков предстоящей беды. Как обычно: ранним утром очень долго, полтора часа, делал зарядку на улице. Во время завтрака обсуж-

дал с ними, как лучше встретить жену и внучку, которых ждали в тот день из Сочи: «Когда мама уточнит номер рейса, обязательно позвоните мне на работу». Уезжая, обещал младшей внучке после обеда повести ее на качели, то есть к обеду этого субботнего дня собирался быть дома.

Не укладывается в голове у дочерей и дальнейшее. Ведь после ожидавшегося звонка матери из Сочи Татьяна Сергеевна сразу позвонила отцу и сообщила, что едут в аэропорт встречать. Было это в 9.35 – выходит, как раз в то время, когда он готовился надеть на себя петлю. Но они же хорошо поговорили, и голос у него был бодрый, даже веселый!

Впрочем, если этот факт, как и что-то из предыдущего, можно мотивировать исключительной силой воли и самообладанием маршала, то затем, при изучении двух толстых красных томов, предоставленных мне в военной коллегии Верховного суда России, я наталкивался на факты, которые объяснить уже никак не мог.

Хотя бы относительно того же утра 24 августа. В показаниях Платонова Николая Васильевича, водителя автобазы Генерального штаба, который работал с маршалом, а тогда привез его в Москву с дачи, я прочитал:

«Приехали в Кремль. Ахромеев сказал: «Езжайте на базу, я вас вызову». И не вызвал. В 10 час. 50 мин. я позвонил ему в Кремль и отпросился на обед. Он меня отпустил и сказал мне, чтобы я в 13.00 был на базе. Более я с ним не разговаривал и его не видел».

Невольно подчеркнул я в этой выписке время: 10 час. 50 мин. Но ведь в 10 час. 00 мин. Ахромеев, согласно его записке, очнулся после неудачного покушения на свою жизнь и собирался «все повторить вновь»! Скажите, до того ли тут, чтобы поднимать трубку в ответ на телефонный звонок и разговаривать с шофером? Да и зачем?

Время смерти маршала судебно-медицинская экспертиза определила весьма расплывчато и приблизительно: «Смерть наступила не более чем за сутки до начала вскрытия трупа». Оговорены «значительные трудности при определении давности наступления смерти в том случае, если исследование трупа проводится более чем через 10 – 12 часов после наступления смерти и если перед этим не были проведены на месте специальные судебно-медицинские исследования». Но почему же они не были проведены?

А между тем вот еще одно показание – Вадима Валентиновича Загладина, тоже советника Президента СССР. Его кабинет под номером «19в» находился в общем коридоре с кабинетом Ахромеева «19а». Про день 24 августа Загладин свидетельствует следующее:

«Был на работе с 10 до 15 часов. Может, чуть дольше. Ахромеева не видел. Его кабинет был открыт, я это определил по тому, что в кабинет входили и выходили, но кто – я не знаю, я считал, что это входит и выходит Ахромеев, так как секретари в субботу не работали... Когда я уходил, то в двери Ахромеева ключ не торчал. Я выключил свет в коридоре между нашими кабинетами (там маленький коридор) и ушел. В кабинете Ахромеева было тихо. Я ушел из кабинета в 15 – 15.20 примерно. Я точно помню, что ключа в двери Ахромеева не было, иначе бы я не выключил свет в коридоре».

Ключ... Про этот ключ следователь переспрашивает: «Уточните, пожалуйста!» И Загладин, повторив то же самое, поясняет: «Обычно, когда С.Ф. Ахромеев был в кабинете, то ключ торчал в двери с наружной стороны».

Итак, в 15 или 15.20 ключа в двери не было, а в 21.50, когда дежурный офицер проходил мимо кабинета, его внимание привлек именно ключ!

Когда же он появился в двери?

И кто входил и выходил из кабинета после 10 часов утра? Сам Ахромеев?

Но, повторю, он же в 10.00 как бы очнулся и снова предпринимал попытку самоубийства...

Гречаная Алла Владимировна, референт Ахромеева, свидетельствует: «От кого-то из охраны, его зовут Саша, я слышала, что он видел Сергея Федоровича около 2 часов дня в субботу». Обратите внимание: около двух!

Только этих трех загадочных фактов – со звонком шофера, с ключом и охранником Сашей, – по-моему, вполне достаточно, чтобы следствие было продолжено и попыталось ответить на возникающие в связи с ними вопросы. Нет, даже следов такой попытки я в деле не обнаружил! А Сашу, судя по всему, даже и не допросили. Дело, как уже выше сказано, поспешили закрыть...

Скажу еще об одном обстоятельстве, которое привлекло мое внимание, причем каким-то зловещим отблеском. В показаниях офицера охраны Кремля Коротеева Владимира Николаевича, который, осматривая вечером кабинеты, обнаружил С.Ф. Ахромеева «без признаков жизни», далее читаю: «Об обнаружении я доложил коменданту Резиденции Президента Барсукову М.И.».

Барсуков? Михаил Иванович?!

Да, тот самый. Один из двух человек, наиболее приближенных к Ельцину в течение нескольких последних лет, упоминавшийся все эти годы в неразрывной и многозначительной связке «Коржаков – Барсуков». Выходец из КГБ, возглавивший в конце концов новую, ельцинскую, спецслужбу...

Случайно ли именно он появился на месте смерти Ахромеева той таинственной ночью? И когда появился?

Согласно его показаниям, Коротеев доложил ему около 24 часов. Однако сам Коротеев называет другое время – 21 час 50 мин. Причем прямо говорит, что труп обнаружил он (помните, «без признаков жизни»?). Но в показаниях Барсукова происходит иначе!

«...Коротеев В.Н. доложил мне, что в 19«а» – кабинете советника Президента СССР Ахромеева С.Ф. ключ в замочной скважине, а света в кабинете нет и что он просит меня прибыть... Я поднялся на 2-й этаж в 19 «а», заглянул в кабинет. У окна в неестественной позе я увидел советника на полу...»

То есть, выходит, Коротеев в кабинет даже не заглядывал, а труп обнаружил Барсуков? Странная разногласия, ставящая под сомнение все остальное в этих двух показаниях:

Сам собой возникает и такой вопрос: кто же он был тогда, Михаил Иванович Барсуков? Официально, по должности – комендант комендатуры корпуса № 1 Кремля. Коротеев называет его комендантом Резиденции Президента. Разумеется, Президента СССР. Но не работал ли он уже и на казавшегося горбачевским антиподом Президента России?

В самом деле, один из будущей одиозной пары ельцинских приближенных уже неотлучно следует в те августовские дни за своим «хозяином» по коридорам и подвалам «Белого дома» и даже запечатлен рядом с ним на «историческом» танке. Другой в это время – в кремлевских коридорах, куда Ельцину победителем скоро предстоит войти. Кто-то ведь, наверное, должен был готовить место.

Много тайн, очень много, скрывают коридоры власти...

* * *

Итак, что же все-таки произошло 24 августа 1991 года в Кремле – самоубийство или убийство?

Если убийство, то чем оно было вызвано и как совершено?

Если самоубийство, то почему пошел на него Ахромеев – человек редкостно мужественный, волевой и жизнелюбивый?

Выше я уже назвал немало доводов, возникающих при внимательном изучении материалов следствия и вызывающих очень серьезные сомнения, что смерть маршала была добровольной. Беседы с близкими ему людьми такие сомнения укрепляют.

Никогда не верила и до сих пор категорически не верит в самоубийство жена его Тамара Васильевна. Не верят дочери Наталья и Татьяна. Не верят генералы армии Валентин Варенников и Михаил Моисеев, учившиеся и работавшие рядом с ним долгие годы, хорошо его знавшие. Да многие, с кем я говорил, не верят.

Один из главных аргументов против самоубийства – характер этого человека.

«Я откровенно скажу, что такой человек, как Сергей Федорович Ахромеев, не мог, просто не способен покончить жизнь самоубийством».

Это говорит, давая свидетельские показания, Малинецкий Георгий Геннадиевич – зять, муж дочери Татьяны. Чувствуете, насколько твердо говорит? Он-то имел возможность соприкоснуться с характером своего тестя больше в бытовой, семейной обстановке, но и для него несомненны огромная сила воли и стойкость маршала, непоколебимый его природный оптимизм. Словом, крепчайший внутренний стержень, будто специально созданный и закаленный для трудной воинской службы.

Послушаем жену. Она знала Сергея Федоровича с детства – учились в одной школе. Знает его характер и жизнь, наверное, лучше всех.

– Он рано остался без отца, с матерью. В школе увлекался историей и литературой, даже собирался поступать в ИФЛИ – знаменитый в свое время Институт философии, литературы и истории. Но получилось так, что мама его вынуждена была уехать к дочке, вышедшей замуж, он остался один. Приходилось подрабатывать. Жил в кабинете директора школы. А в 1939 году по комсомольской путевке пошел в военно-морское училище.

– Это было призвание или долг?

– И то и другое. Сами знаете, какое было время: все дышало предчувствием войны. Она через два года и началась...

– Сергей Федорович сразу попал на фронт?

– Фактически сразу. Он был в училище имени Фрунзе в Ленинграде. Ну вот, июль – отражение морских и воздушных десантов в Прибалтике, затем – блокада, тяжелое ранение. Выжил чудом. Буквально с того света его вытаскивали. Между прочим, врач в госпитале сказал ему тогда: хочешь жить – бросай курить. Больше он за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы. Это к вопросу о характере.

– И он всегда был таким?

– Сколько его помню. За 51 год службы не имел ни одного выходного дня, ни одного полностью использованного отпуска. Подъем каждое утро – в 5.20, полтора часа – зарядка во дворе в любую погоду. В 7.30 уезжал на работу, а возвращался в 23.00. В общем, сила воли действительно необычайная.

– Вам доводилось видеть его в разных состояниях, связанных со службой?

– Мы много кочевали. После войны и Академии бронетанковых войск – Дальний Восток, потом Белоруссия, Украина, опять Белоруссия и опять Дальний Восток... Знаете, у него как у командира, отвечавшего за очень большие коллективы людей в войсках, бывали тяжелейшие ситуации, всякого рода ЧП. Естественно, переживал, иногда очень остро переживал, он ведь не железный. Но в растерянности, а тем более – в панике я не видела его ни разу. Вот и поэтому не верю, что мог руки на себя наложить...

* * *

Да, судьба испытывала его на излом не раз, но он стойко держался.

Мало кто знает, что Ахромеев, в то время первый заместитель начальника Генерального штаба, один из немногих в военном руководстве, решительно возражал против ввода наших войск в Афганистан. Мало кому известно, какую роль сыграла наша армия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, и Ахромеев, тогда начальник Генштаба, стал одним из ведущих организаторов этих беспрецедентных по масштабу и сложности работ.

Получается что же? Выдержал и Великую Отечественную, и Афганистан, и Чернобыль, а тут, когда ни войны, ни аварии ядерного реактора, вдруг проявляет непонятную слабость.

В самом деле, трудно это понять и принять.

Николай Николаевич Энгвер, народный депутат СССР, много общавшийся с депутатом Ахромеевым по делам воинов-«афганцев» и не раз говоривший с ним об «афганском синдроме», знает, что маршал считал самоубийство для военного именно слабостью. Допускал его лишь в одном случае: когда являешься носителем информации высшей секретности и не можешь предотвратить захват себя врагом. Ибо пытки, а особенно – современные психотропные средства позволяют многое «вытянуть» из человека, даже против воли его...

Еще тогда, вскоре после рокового августа-91, возникла версия, что Ахромеева принудили к самоубийству, угрожая репрессиями против семьи. На такую мысль наводят, в частности, и строки из адресованного семье прощального письма:

«Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте...

Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами...»

Если представить, что окончательную и теперь вполне конкретную угрозу расправы с семьей он услышал, уже приехав на работу в последнее утро, то получают объяснение и спокойный его уход из дома, и намерение быть к обеду, когда прилетят из Сочи жена с внучкой, и записка, в которой он с кем-то объясняется по поводу неудачной первой попытки убить себя. Кстати, те, с кем он объясняется, могли предложить ему и этот используемый в криминальном мире способ самоубийства.

Кому и зачем понадобилось убрать маршала?

Есть разные варианты ответа на этот вопрос. Но все сводятся по существу к тому, что он слишком много знал и для многих стал слишком неудобен.

Известно, например: в тот критический момент готовился выступить на сессии Верховного Совета СССР, которая была назначена на 26 августа. Честное и прямое его слово представляло серьезную опасность для тех, кто приступил в это время к решающему акту осуществления своих коварных планов.

Впрочем, кристальная честность, несгибаемая принципиальность этого человека давно уже стали опасностью и для него самого. В свидетельских показаниях Г. Малинецкого читаю:

«Неоднократно говорил, что его политическая борьба как депутата и общественного деятеля может угрожать благополучию его семьи, его свободе, а возможно и жизни. После опубликования статьи в «Советской России» «Кому мешают генералы», по его словам, звонили на работу и угрожали расправой».

Да что там телефонные звонки и анонимные письма! Грозили весьма недвусмысленно даже с газетных страниц. У меня все дрогнуло внутри, когда в одном из набросков ахромеевского выступления в Верховном Совете, где он намеревался сказать, в частности, о кампании травли и клеветы, организованной против него «демократической» прессой, я прочитал: называют военным преступником, пишут, что Ахромеева должна постигнуть «судьба Шпеера и Гесса».

Оба, как известно, были осуждены Нюрнбергским трибуналом, а Гесс, приговоренный к пожизненному заключению, в конце концов умер в петле.

Что-то уж чересчур прозорлив оказался «демократический» автор в зловещем своем предсказании, каким образом маршал должен уйти из жизни...

* * *

Я написал: кампания травли и клеветы. Но ведь многие, наверное, уже забыли, а молодые и не знают, что это была за кампания и почему объектом ее, одним из центральных объектов стал Ахромеев.

Напомню. Шло наступление на нашу Родину. В этот раз оно началось не одномоментно и не прорывом внешних границ, как в июне 41-го. Главное направление его было организовано изнутри страны.

Оно не было военным и вообще никаким наступлением не называлось: ему дали вполне мирное название «перестройка».

Да никто ведь и не говорил (разве можно!), что цель начатого – уничтожение Отчизны. Лозунги звучали хорошие: «Ускорение и эффективность!», «Больше демократии – больше социализма!» А вот на деле...

На деле постепенно стало проявляться, что социализма не должно быть совсем. Более того, не должно быть Советского Союза!

Путь к этому, вспомните, прокладывался массированными атаками на главные духовные и государственные наши опоры и скрепы. На историю нашу. На партию. На армию.

Многие ли сразу поняли смысл и конечную цель этих оглушительных психических атак? Многие ли встали против них? Оглядываясь назад, скажем прямо: нет, не многие.

Маршал Советского Союза Ахромеев встал одним из первых. Решительно и смело, как поднимались солдаты в бой под вражеским огнем и как сам он на фронте не раз поднимался.

Жена сказала так:

– Слова «раньше думай о Родине, а потом о себе» он понимал буквально и всю жизнь следовал им. Они не были для него высокопарной фразой.

И вот он почувствовал, что над Родиной совершенно неожиданно опять нависла угроза. Нет, пожалуй, не сразу и он, как и все мы, осознал глобальные масштабы этой угрозы. Восприняв всей своей открытой, широкой душой провозглашенные цели перестройки, благородные и красивые, поначалу считал коробившие его публикации в некоторых изданиях просто плодом безответственности отдельных журналистов в погоне за сенсацией. Так сказать, издержки гласности.

Однако и эти «отдельные издержки», особенно связанные с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, молча терпеть не мог. Помню, как стал привозить и присылать статьи к нам в «Правду». Меня еще удивляло: военачальник такого ранга находит время и силы, чтобы спорить с какими-то мелкотравчатыми писаниями! Но однажды услышал ответ маршала моему коллеге по редакции примерно на тот же вопрос:

– Молчать нельзя, когда лгут. Надо давать сдачу. Иначе совсем облаглет.

Они нагнали, несмотря на голос Ахромеева и других, кто пытался говорить правду, но чьи голоса вскоре уже многократно перекрывались шумным гвалтом «демократической» прессы.

И тогда он поймет, тогда напишет: «Они осуществляют вполне определенную политическую линию. Все наше прошлое перекраивается. А ведь без достойного прошлого у страны не может быть и нормального настоящего, не может быть будущего. Дорого обойдется Отечеству разрушительная работа новоявленных демократов».

Как часто вспоминаю я сегодня эти его пророческие слова! Впрочем, теперь многим очевидно, насколько правы были предупреждавшие, что мы можем лишиться нормального настоящего и будущего.

А в то время этих предупреждавших постарались опорочить в глазах людей, дабы люди их просто не слушали. Если недостаточно было ярлыков типа «консерватор» и «противник перестройки», если после этого человек не отступал и не прекращал борьбу, а его борьба приобретала все более впечатляющий характер, против него организовывалась целенаправленная «персональная» кампания. И тут уж, что называется, все средства хороши – не оставались ни перед чем.

Читаю в дневнике Ахромеева:

«По отношению ко мне, например, сегодня органы печати, начиная с газеты «Известия» до «Литературной газеты», развернули настоящее преследование, изо дня в день пишется заведомая неправда. Совершенно бесполезно говорить о какой-то справедливости. Шабаш преследования можно сравнить с кампаниями, которые были организованы против Лигачева Е. К. Цель одна – заставить меня замолчать. Не удастся – скомпрометировать».

Поразительно, до какой оголтелости доходили в обвинениях его! Больно читать наброски выступлений и статей, в которых он вынужден доказывать нелепость многочисленных обвинений.

«Военный преступник» – это, конечно, за Афганистан, где около двух лет он был начальником штаба оперативной группы Министерства обороны. Выполняя решение высшего руководства страны.

А вот из письма Ахромеева главному редактору «Известий», которое, как и многие другие подобные его обращения, осталось не только не опубликованным, но и безответным: «Газета «Известия» говорит неправду:

– что скрывал данные о состоянии Вооруженных Сил в своей стране и раскрывал их в США;

– изображает меня сегодня воришкой, залезающим в карман государству...»

Боже мой, вот это, последнее, осталось у меня в памяти как верх позора для тех, кто в тоге «борцов с привилегиями» травил честнейшего человека! Это ведь было не только в «Известиях». Может, и вы вспомните горящие глаза и холодный прокурорский голос белокурой девицы, вскакивающей на телеэкране из депутатских рядов и обличающей, обличающей, обличающей...

А о чем, собственно, шла речь? Маршалу предложили на госдаче, где он жил с семьей из восьми человек, по государственной цене выкупить мебель, которую он до этого арендовал. Старую мебель.

Сопоставьте это с тем, как вскоре «борцы с привилегиями» разворуют и распродают всю страну.

Видя сегодня на телеэкране модно одетую белокурую мадам, что-то лепечущую о социальной защите сирых и бедных, я всегда думаю: неужели не является тебе по ночам тень маршала Ахромеева? Того, который за величайшую скромность и аскетическую неприхотливость друзьями был назван спартанцем. Который, перейдя на должность советника президента, отказался от повышенного в полтора раза оклада. Который, даже прощаясь с жизнью, не забыл, что он должен в столовую несколько рублей, и в одной из последних записок попросил вернуть долг, приложив деньги.

Вы, нравственные пигмеи, злобно и жестоко травившие такого человека, разве вы способны – ну не подняться до его высоты, нет, а хотя бы эту высоту понять?

* * *

Наконец, еще об одной, важнейшей, стороне пережитой им драмы, которая обернулась трагедией.

Давайте повнимательнее подумаем: с кем боролся он в эти последние годы своей жизни?

«Мне понятно, – пишет в дневнике, – что соответствующая пресса свое дело будет делать и дальше. Всегда найдутся бойкие перья, которые за хорошие деньги напишут любую гнусность, тем более что отвечать за это никто не будет. И есть политические силы, которые им эту гнусность закажут».

Так в каких же политических силах видит он своих противников?

Называет печатные издания: «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты»...

Использует вошедшие в обиход определения: «демократы», «межрегионалы»...

Резко критикуя перевертышей типа Волкогонова, отмечает: «Теперь генерал-полковник Волкогонов – антикоммунист. Сегодня он изменил делу КПСС и встал под знамена одного из бывших руководителей КПСС, а теперь воинствующего антикоммуниста Б.Н. Ельцина».

Значит, противники – антикоммунисты...

Но с кем он, коммунист Ахромеев, вступивший в партию на фронте, не менявший и не предававший своих убеждений, оказался в этот сложный исторический момент?

Он был, как принято говорить, в команде Горбачева. Был, волею судеб, в ближайшем окружении его. Но кто был Горбачев?

Вскоре после смерти Ахромеева в издательстве «Международные отношения» вышла последняя его книга, написанная в соавторстве с бывшим заместителем министра иностранных дел Г. Корниенко, «Глазами маршала и дипломата». Критический взгляд на внешнюю политику до и после 1985 года. Очень маленьким тиражом вышла, да и то удивляюсь, как это выпустили ее тогда! Читая дневник Сергея Федоровича, я видел, с какой настойчивостью, несмотря на нездоровье и занятость многими другими делами, работал он все последние месяцы над книгой, давая себе задания буквально на каждый день. Словно боялся, что не успеет высказаться. Так вот книга эта, в чем-то исповедальная, вместе с дневником помогает конкретнее представить очень непростые его отношения с тем, в чью «команду» он входил, и глубже понять драматизм положения, в которое был поставлен.

Тема горькая и большая. Возьму для примера один факт.

Известно, что Ахромеев, будучи начальником Генштаба, а затем советником президента страны по военным вопросам, принимал активное участие в подготовке важнейших советско-американских переговоров, связанных с сокращением вооружений. В 1987 году на повестке дня был договор по ракетам средней и меньшей дальности.

«Упорная борьба», «напряженное противоборство», «настоящая дуэль» – такие выражения в книге Ахромеева нередки. Понятно, вести дело так, чтобы согласие достигалось и решения в конце концов принимались, но без ущерба для наших государственных интересов, было нелегко. Американцы-то о своей выгоде ни на минуту не забывали!

В этот раз наиболее серьезное «перетягивание каната» возникло по поводу советской ракеты «Ока», именовавшейся на Западе СС-23. Почему? Ракета новая, последнее достижение нашей военно-технической мысли. Американцы заинтересованы, чтобы у нас ее не было.

Но под условия договора она не подпадает. Ликвидации подлежат ракеты средней дальности – от 1000 до 5500 километров и меньшей – от 500 до 1000. Максимальная испытанная дальность «Оки» – 400 километров. И тем не менее... она попала под уничтожение! Каким же образом это могло произойти?

Ахромеев, конечно, твердо стоял на своем, парируя все хитрые уловки американской стороны. Как всегда. Недаром имевшие с ним дело американские военные так уважали его за патриотизм и высочайший профессионализм. Вот и теперь, в конечном счете, им было предложено: что ж, давайте по-честному – запретим все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 км. Тогда была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «Лэнс-2» с дальностью 450 – 470 км. Паритет был бы сохранен.

Однако, приехав в Москву, госсекретарь США Шульц ставит вопрос перед Шеварднадзе о подведении СС-23 под понятие «ракеты меньшей дальности». И получает ответ: для нас это не будет проблемой.

На встречу экспертов, состоявшуюся в тот же вечер в МИД, представителей Генштаба даже не приглашают. А во время состоявшейся на следующий день беседы Горбачева с Шульцем о включении СС-23 в понятие «ракеты меньшей дальности» говорилось уже...

как о решенном вопросе. Без всяких оговорок, что нижний предел дальности должен уменьшиться и для американцев!

Ахромеев в книге пишет:

«На состоявшейся 23 апреля беседе М.С. Горбачева с Дж. Шульцем мое участие не планировалось, и первая половина ее (в ходе которой была закреплена упомянутая договоренность о ракете «Ока») прошла без моего участия. Однако в середине их беседы я совсем неожиданно был вызван Генеральным секретарем для выяснения некоторых обстоятельств переговоров в Рейкьявике в составе рабочей группы Нитцке – Ахромеев. Я дал необходимые разъяснения и был оставлен на беседе, где пошел разговор о конкретных вопросах будущего договора по сокращению СНВ. О решении же в ходе первого этапа этой беседы вопроса о ракете «Ока» я узнал только на следующий день из газет, прочитав сообщение о встрече М.С. Горбачева с Дж. Шульцем, да еще с указанием, что на беседе присутствовал начальник Генерального штаба».

Вот оно как! На вторую часть беседы его и пригласили-то, видимо, для того, чтобы дать именно такое сообщение в газетах. А по существу – обманули. И его, и всех.

«Военное руководство было возмущено случившимся», – замечает Ахромеев. Он пишет предельно сдержанно, хотя чувствуется, что и спустя время в душе его все клокочет. О непосредственной же реакции мне рассказывал Валентин Иванович Варенников, который был тогда первым заместителем Ахромеева в Генштабе:

– Приехал я из Афганистана, где находился в длительной командировке, и сразу к нему. А он, как будто предвидя мой первый вопрос, буквально бросился мне навстречу: «Не думай, что это сделал я!» Видно было, сильно мучается.

Поводы для мучений возникали все чаще. Однако и в конкретных ситуациях, подобных вот этой, и при оценке ухудшавшегося положения страны в целом он еще долго не сможет прямо сказать: виноват Горбачев.

Ему уже ясно, разумеется, что дело не только в «межрегионалах», в так называемой демократической оппозиции. Он видит своих противников уже в руководстве страны. Называет уже поименно: Яковлев, Шеварднадзе, Медведев... А для Горбачева все-таки находит оправдания – наверное, его «подставляют».

Драма честного человека, живущего по совести и не представляющего, что совесть может быть эластичной, что можно думать одно, говорить другое, а делать третье. Драма доверия и верности!

Между тем, как я уже тогда почувствовал, а теперь совершенно отчетливо понимаю, для Горбачева и действительно близких ему людей Ахромеев не был «своим». И становился все более неприемлемым.

Запомнился случай, происшедший где-то в конце 1989-го или в начале 1990-го. Главным редактором в «Правду», сменив «консерватора» Афанасьева, был уже прислан «прогрессивный» Фролов – полномочный и доверенный ставленник Горбачева. Однажды дает мне статью. С недовольным, каким-то брезгливо-кислым видом:

– Ахромеев написал. Поглядите.

– Готовить к печати?

– Я же сказал: поглядите!

Кричать на подчиненных Иван Тимофеевич умел – по поводу и без повода, а в данном случае причина раздраженности его стала мне абсолютно ясна, когда прочитал статью. Это был сгусток боли, резкий протест против того, что вело все к большему и большему развалу страны.

Конечно же, статья не была напечатана, хотя я довел ее до газетного объема и сдал Фролову.

– Позвоните автору, пусть подождет, – был его ответ.

Пришлось что-то невнятное бормотать в телефонную трубку. Увы, это не раз бывало в связи с острыми статьями и других неудобных авторов, которые, без всяких объяснений, «заворачивались» главным редактором. Простите меня, Сергей Федорович!..

По-моему, он все понял. Даже «Правда», которую считал своей газетой, переставала быть таковой. Что оставалось? «Советская Россия» и «Красная звезда»? Пожалуй, вот и все печатные трибуны, где он мог выступить.

А ведь так много нужно было сказать! Словно чуткий сейсмограф, воспринимает он всем существом своим нарастающую трагедию Родины. В дневниковых его заметках бьется напряженная мысль, и оценки происходящего – все резче, все определеннее.

«1. Люди потеряли перспективу – веру в Президента и КПСС. 2. Сломать все сломали – ничего не сделали. Бедлам, никакого порядка нет. 3. 1985 – 1991 годы. Когда было лучше? В чем Вы нас хотите убедить!!! 4. Нет сырья, нет комплектующих. Производство расстроено. 5. Все продано в Румынию».

Эта запись сделана, очевидно, после поездки в Молдавию, откуда он был избран народным депутатом СССР. Начался уже 1991 год. И он не может больше уходить от прямого ответа на вопрос о вине Горбачева.

Задолго до августа, где-то весной, работая над выступлением в Верховном Совете, записывает:

«О М.С. ГОРБАЧЕВЕ. После 6 лет пребывания М.С. Горбачева главой государства коренным вопросом стало:

– КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО СТРАНА ОКАЗАЛАСЬ НА КРАЮ ГИБЕЛИ. Какие причины создавшейся ситуации объективные, они должны были проявиться независимо от того, кто возглавил бы страну в 1985 году, а чему виной является политика и практическая деятельность Горбачева.

В 1985 – 1986 годах М.С. Горбачев, да и другие члены Политбюро вели себя как легкомысленные школьники.

И это делали серьезные люди?

Кто и почему организовал антиармейскую кампанию в стране.

Как нам сегодня относиться к нашему прошлому.

Словом, делалось все, чтобы кризис доверия в стране наступил.

Кому и зачем он был нужен?

С чьей стороны имело место это легкомыслие или злой умысел?»

Ответ четкий: «Путь Горбачева – не состоялся. Страна свергнута в хаос».

Я вижу, что Ахромеев как человек исключительной честности в злой умысел до последнего поверить не может. Однако недопустимость дальнейшего пребывания Горбачева у руководства страны для него уже несомненна:

«О ЧЕМ НАПИСАТЬ М.С. Остался один шаг до отставки. Виноват в первую очередь сам М.С. – его приспособленчество и компромиссность... Отставка неизбежна. М.С. Горбачев дорог, но Отечество дороже».

* * *

Написал ли он это Горбачеву? Наверняка. Или написал, или высказал. Упомянувшийся уже Энгвер, со слов самого Сергея Федоровича, так передает его кредо президентского советника: говорить не то, что хочет услышать Горбачев, а то, что есть в действительности.

Но почему не выступил с требованием отставки Горбачева публично?

Георгий Маркович Корниенко, работавший в то время вместе с Ахромеевым над книгой, вспоминает, что публично выступать лично против президента Сергей Федорович считал неэтичным, поскольку был «при должности»: советник же его!

Трижды писал заявления о собственной отставке. Ссылался на ухудшение здоровья, на последствия ранения и контузии, что было правдой. Но еще большая правда была в том,

что должность советника при главном руководителе государства, на которой он надеялся сделать для государства немало полезного, теперь, в критической ситуации, не позволяла ему сделать, может быть, самое необходимое – во всеуслышание выступить против этого руководителя.

А Горбачев не давал ему отставки, думаю, именно потому, что знал: тогда-то уже он будет выступать без всяких «самоограничений». Кстати, следующую свою книгу Ахромеев собирался написать о Горбачеве. Представляю, какая это была бы книга!..

Но 19 августа ринется в Москву не против Горбачева лично выступать. За Отечество!

Ему, остававшемуся официально Президентом СССР, через три дня напишет:

«Дело в том, что начиная с 1990 года я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом».

И тут же, опять-таки как советник президента (не освобожденный от этой проклятой должности!), пишет о своей ответственности за участие в работе ГКЧП...

Мне давно хотелось услышать из уст Горбачева, а что он чувствовал, когда узнал о трагической смерти Ахромеева, что чувствует и думает в связи с этим теперь.

Поймать в Москве бывшего президента страны, а ныне – личного фонда очень нелегко. «10 сентября Михаил Сергеевич улетает в Германию. Вернется только 25-го. Но 30-го опять улетит. В Америку. Это до 12 октября. А 19-го снова в Америку»...

И все-таки, после четырехмесячных настойчивых моих звонков, разговор состоялся. Что же услышал я?

Горбачев, по его словам, тяжело пережил смерть Ахромеева. Относился к нему с большим уважением и доверием. Он повторил это два раза: «Я верил ему». Назвал человеком морали и совести: «Покраснеет, но прямо скажет все, что думает». А прилет его в Москву тогда, в августе, воспринял «как удар».

– Это была тяжелая ситуация для президента и Генсека. С одной стороны, близкие люди выступили против. С другой – набирала силу российская власть, российское руководство, они считали, что они на коне. Я должен был пойти на российский Верховный Совет...

Разговор все дальше уходил от Ахромеева – Горбачев говорил о себе, и пришлось прервать его вопросом, который особо меня волновал:

– Скажите, а нет ли у вас хоть какого-то чувства вины перед маршалом? Ведь смерть его стала, так или иначе, следствием трагического положения, в которое была ввергнута страна. Написал же вам: «Вскоре она окажется расчлененной».

– У меня чувства вины не было и нет.

Гулом отдалось во мне это: «Не было и нет», «не было и нет»!..

Он говорил, что собирался пригласить Ахромеева для беседы, но «был заверчен» – как раз встречался в Верховном Совете российском, тогда же делал заявление о снятии с себя полномочий Генсека. А я подумал: кажется, в день его смерти Горбачев и делал это потрясшее меня заявление – отрекся от партии, объявив по существу о роспуске ее! Успели ли услышать Сергей Федорович? Каким же ударом для него это было...

Вряд ли нужно еще комментировать разговор с Горбачевым. Может, только одно слово, которое остро резануло меня:

– Ахромеев был переживальщик большой.

Слово это, походя и небрежно брошенное, по-моему, выразительно характеризует и того, о ком сказано, и того, кто сказал.

Когда свой вопрос: «Самоубийство или убийство?», с которым я обращался ко многим, задал генералу армии М. Гарееву, Махмут Ахметович ответил так:

– В любом случае это было убийство. Его убили подлостью и предательством, тем, что сделали со страной.

– Но ведь с этим не один он столкнулся! Если допускаете, что сам мог руки на себя наложить, почему именно он?

– Он наиболее совестливый из нас.

Что ж, такое поймет только совестливый. А для тех, в чьем представлении совесть – понятие абстрактное, он останется странным «переживальщиком».

* * *

«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца».

Принимал ли он смерть добровольно или насильно, в этих последних словах – главное: Отечество гибнет! Он отдал за него все, что мог. В конце концов, окруженный врагами и преданный, отдал жизнь.

Во время Великой Отечественной, храбрым бойцом которой он был, про героев так и писали: «Отдал жизнь за Родину».

Вскоре после его смерти, как он предвидел, Родина окажется расчлененной. Выходит, напрасными были его борьба и смерть? Думаю, нет.

Когда-то мы говорили о погибших наших героях, как о горьковском Соколе: «Пушай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером»...

Сейчас редко звучат эти слова. «Поле боя после битвы принадлежит мародерам» – название одной из современных пьес довольно точно обозначает, кто сегодня хозяева жизни. В этом смысле надругательство над могилой Ахромеева (неслыханное, чудовищное надругательство!) стало зловеще символическим – озаменовало, так сказать, вступление в новую эру.

Только не будет же так всегда. Битву за Родину мы продолжим, дети встанут потом в этой битве на место отцов.

И они должны знать: в наше время были не одни лишь «герои» Фороса и Беловежья. Был маршал Ахромеев. Он был и навсегда останется Маршалом Великой Державы – Союза Советских Социалистических Республик, – не предавшим свои идеалы.

Невозможно представить его вписавшимся в «новый режим». Не представляю, например, сидящим на каком-нибудь нынешнем официальном мероприятии – в советском маршальском мундире, но с нашивками из триколора и двуглавого орла.

На его могильном камне – три слова, выражающие самую суть этого человека: Коммунист, Патриот, Солдат. И недаром на могилу приходят борцы из оппозиции самых разных, порой несовместимых направлений – он как бы объединяет их всех. Так же, думаю, своим высоким авторитетом мог объединить в жизни, если бы остался жив. Может, именно поэтому не оставили его в живых?

Дмитрий Тимофеевич Язов, тоже Маршал Советского Союза, оказавшись в камере Матросской Тишины и узнав там о гибели своего боевого друга, записал в тюремной тетради: «Появится когда-нибудь талантливый автор и создаст об этом удивительном человеке, настоящем человеке чести, достойную книгу, которая дополнит и украсит серию «Жизнь замечательных людей».

Замечу: сам Дмитрий Тимофеевич жизнью своей тоже заслужил право на хорошую книгу.

Да, сегодня честь не в чести. Но в нынешнем политическом и нравственном беспределе, когда правят бал корысть и чистоган, шкурнические интриги и бандитские разборки, светлый пример людей, для которых Родина воистину дороже собственной жизни, особенно необходим.

Давайте помнить, что у нас были такие люди. Давайте верить, что они обязательно будут.

Ими спасется Россия.

«Не могу, не хочу смотреть!»

Поэт Юлия Владимировна Друнина была достойным представителем фронтового поколения. Она прошла ад войны, сполна испив горькую ее чашу, и многое сумела сказать о войне в своих стихах. Дело литературных критиков расставлять поэтов по ранжиру, определяя каждому ту или иную ступеньку на лестнице заслуг перед отечественной словесностью. Про Друнину можно сказать главное: народ принял и полюбил ее стихи. Значит, их уже невозможно исключить при разговоре о военной литературе нашей, а стало быть, и о военном поколении.

Другая причина особого интереса к этой личности состоит в трагизме ее судьбы. Известно, что Юлия Друнина покончила с собой 20 ноября 1991 года. Как могло произойти такое? Что заставило человека, очень многое в жизни испытавшего и мужественно перенесшего, вдруг собственной рукой прервать свою жизнь? В этом тоже своеобразно отразилась судьба поколения...

Я познакомился с Юлией Владимировной в редакции «Правды», где последние два года перед трагической кончиной она печатала не стихи, а нервные, взвихренные и тревожные публицистические статьи. Потом, уже после ее смерти, говорил о ней с давними ее товарищами, с другом юности и первым мужем Николаем Старшиновым – тоже замечательным поэтом фронтового поколения, который ушел от нас несколько лет спустя. И, наконец, в издательстве «Русская книга» вышел необычный сборник Юлии Друниной, составленный дочерью этих двух поэтов-фронтовиков. Она, Елена Липатникова, назвала его строкой одного из последних стихотворений матери, которая звучит поразительно современно: «Мир до невозможности запутан...»

Обратите внимание: запутан не как-нибудь, а ДО НЕВОЗМОЖНОСТИ! Таково ощущение поэта в конечный год ее жизни – 1991-й. А разве так она чувствовала себя тогда, в 1941-м? Почитаем, сравним, подумаем.

Тогда они не колебались

Основной интерес новой книги Юлии Друниной именно в том, что она дает возможность сравнить. И, сравнив, сопоставив разные состояния ее души – в начале жизни и в конце, мы невольно задумаемся о чем-то очень важном для каждого человека.

Нет, никакой запутанности не было роковым летом 1941 года для московской школьницы Юли Друниной. Как и для другой школьницы-москвички – Зои Космодемьянской, как для многих и многих сверстников их. Была ясность. Тогда они не колебались.

...Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

Беседуя с Николаем Константиновичем Старшиновым, я задал ему однажды такой вопрос:

– Вот вы прожили вместе пятнадцать лет. Скажите, что в характере Юлии Владимировны раскрылось вам как самое преобладающее?

– Пожалуй, решительность и твердость. Если уж она что решила, ничем ее не собьешь. Никакой силой. Наверное, это особенно проявилось, когда она добровольцем прямо со

школьной парты уходила на фронт. Их семью тогда эвакуировали из Москвы в Заводоуковку Тюменской области, они едва успели кое-как там устроиться, и родители – школьные учителя – были категорически против этого ее шага. Ведь единственный ребенок в семье, да еще очень поздний: отцу тогда было уже за шестьдесят, он там, в Заводоуковке, и умер. Словом, Юля рассказывала мне, как родители уговаривали ее остаться, как плакали, просили. Но она все-таки настояла на своем.

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не могла сыскать.

Скажу от себя: две последние строки здесь мне всегда казались по форме не очень точными. Но по смыслу... Вот это резкое сближение самого, казалось бы, низкого («мать-перемать») и наиболее высокого (Россия!) – не оно ли в сочетании с негромкой, искренней интонацией так задевает сердце?

Это вообще огромная тема – соединение на войне высокого и низкого, героического и самого что ни на есть тяжелого, кровавого, страшного. Об этом, еще со времени своих «Севастопольских рассказов», думал Толстой, написав, что главный герой его есть правда. Об этом по-своему скажет и Юлия Друнина:

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Однако замечу: умышленно поставленная злая цель, сосредоточившая объемное полотно об Отечественной войне в основном лишь на одной неизбежной той стороне – «мать-перемать», привела большого современного писателя (кстати, сверстника Друниной) не к созданию новой «Войны и мира», что почти прямым текстом было читателям обещано, а к очевидному едва ли не для всех поражению. Начиная со злого названия: «Прокляты и убиты». Кем они прокляты? Как ни гадай, ни прикидывай, получается, что проклял-то их, в конце концов, сам автор...

Я вернусь к Юлии Друниной. К войне и миру в ее жизни и в ее стихах. Еще был вопрос Николаю Старшинову:

– Делилась с вами, каково ей пришлось на войне?

– Кое-что рассказывала. Да я и сам из фронтового опыта знаю, что значит для женщины война, где и мужику-то зачастую неважно. Надо еще подчеркнуть, кем на войне Юля была. Медсестрой, санитаркой в пехоте, самом неблагоустроенном роде войск, и не где-нибудь в госпитале, а на самой передовой, в пекле, где под огнем приходилось некрепкими девичьими руками вытаскивать тяжелых раненых. Смертельная опасность и тяжелый труд вместе. В общем, намучилась и насмотрелась...

В газетах того времени нередко можно было прочитать, что поголовно все выздоравливающие из госпиталей рвались обратно на фронт. Нет, не все. Я помню, как при мне двое

контуженых в палате симулировали потерю речи, чтобы не возвращаться в этот ад. А Юля дважды ходила туда добровольцем.

– Как дважды?

– Ее тяжело ранили, осколок чуть не перебил сонную артерию – прошел буквально в двух миллиметрах. Но, едва поправившись, опять рванула на передовую. Только после второго ранения ее списали вконец. Тогда она пришла в Литинститут.

Там они и познакомились – в Литературном институте имени А.М. Горького. В конце 1944 года.

Мне хочется когда-нибудь написать очерк о них обоих. Есть даже заголовок: «Николай и Юлия». Уж очень типичны их судьбы и сама эта встреча для своего времени! Он пришел в институт на костылях, прямо из госпиталя. Весной. Она – несколькими месяцами позже. Как и многие другие, в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке, шинели. Позже она напишет:

Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплаты,
Пусть сапоги потерялись – не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда.

Удивительно ли, что и первая книжка ее стихов была названа соответственно – «В солдатской шинели». Но это потом. А красоту девушки, несмотря на грубоватую и стандартную мужскую одежду, Николай оценил сразу. Подумал: на Любовь Орлову похожа! Это была самая популярная тогда киноактриса. И после лекции пошел Юлю провожать...

Наш первый большой разговор с Николаем Константиновичем о Юлии Друниной состоялся два года спустя после ее смерти – поздней осенью 1993-го. Ну а с тех далеких времен их студенческой юности и подавно столько воды утекло. Однако нельзя было не заметить, с каким волнением он, по-моему, человек весьма сдержанный, вспоминал разные подробности и детали первого провожания. Как они взхлеб всю дорогу читали друг другу стихи. Как говорили о фронте. Как, коснувшись довоенного времени, неожиданно выяснили удивительное обстоятельство: оказывается, в конце тридцатых годов оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя. А спектакль «Том Кэнти» даже смотрели вместе.

Я слушал и думал: вот прошла целая жизнь, они были женаты, затем развелись, у каждого была другая семья, в чем-то, может быть, даже более счастливая, но... Он же ее до сих пор любит!

Недавно точно таким впечатлением поделился вдруг со мной в разговоре о Друниной и Старшинове Юрий Васильевич Бондарев. Ему Николай Константинович однажды рассказывал примерно то же, что мне. Правда, было это еще при жизни Юлии Владимировны. Бондарев сказал:

– Слушай, Коля, да ты ее любишь и сейчас!

– Наверное, да, – помолчав, сказал Старшинов.

Многое об их общей юности я прочитаю и в посмертно вышедшей книге интереснейших его воспоминаний «Что было, то было...». Одна из самых больших глав здесь – «Планета «Юлия Друнина». О ней, которую он любил и к которой мысленно возвращался

все время, особенно в последние годы. Название же главы подсказано фактом, имевшим не только в восприятии Николая Константиновича значение символическое: «Крымские астрономы Николай и Людмила Черных открыли новую малую планету, получившую порядковый номер 3804, и назвали ее именем Юли. Это не только естественно вписывается в ее жизнь, но и говорит об уважении и любви, которые живут в сердцах ее читателей и почитателей...»

Он упомянул, что, как романтик, она нередко писала о космосе, о необъятной Вселенной. Однако больше всего – о войне.

«Думаю, – отметил он, – что среди поэтов фронтового поколения Юля осталась едва ли не самым неисправимым романтиком от первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней».

И вдруг оказалось, что жили – «не так»...

На этом определении Николая Старшинова я останавлиюсь.

«Среди поэтов фронтового поколения осталась едва ли не самым неисправимым романтиком...»

Если она – осталась, то, значит, в свое время романтиками были они все?

Возьму на себя смелость сказать, что в определенном смысле именно так и было. Ведь даже автор упомянутой «черной эпопеи» под названием «Прокляты и убиты» создал в свое время о той же войне другое произведение – «Пастух и пастушка». Романтическое, светлое, возвышенное. Может быть, он был неискренен тогда? Приспосабливаясь, врал? Не думаю.

Боже упаси противопоставлять одну «военную» правду какой-то другой. Совсем не об этом речь! Война страшна и кровава, война несет смерть, на войне убивают. Они-то, солдаты и поэты фронтового поколения, знали это лучше других. Но они знали на войне и необыкновенную дружбу, верность, самопожертвование. С ними была вера в Родину и надежда на нее, великая к Родине любовь. А как и что потом рассказывать обо всем пережитом – дело совести и таланта. Нам ли их поучать? Двадцатилетний Старшинов выразился на сей счет предельно прямо еще в победном 1945-м, отвечая как раз «поучавшим»:

Солдаты мы. И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад, —
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.

О том, что было, – откровенно, честно...
А вот один литературный туз
Твердит, что совершенно неуместно
В стихах моих проскальзывает грусть.

Он это говорит и пальцем тычет,
И, хлопая, как друга, по плечу,
Меня он обвиняет в безразличье
К делам моей страны. А я молчу.

Нотации и чтение морали
Я сам люблю. Мели себе, мели.
А нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели...
Прекрасно сказано!

Однако настал час, пришло время, когда нотации обрушились на них уже не по литературной части. Больше, нежели о грусти, проскальзывающей в стихах, и серьезнее, чем даже обвинения в безразличии кого-то когда-то к делам своей страны. Их всех, все поколение обвинили, что и жили они не так, как надо бы, и воевали не так, и делали не то, и с судьбой России, оказывается, подвели очень сильно.

В чем подвели? Попробуешь теперь выразить это от имени обвинителей четко и коротко – не получится. Так много всего было свалено в мусорную кучу «перестройки», так много разного наговорено. Хотя... Есть, пожалуй, короткая и четкая формула, в которой выразилось главное обвинение им. Звучит так:

«Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м!»
Так написал знаменитый журналист-«демократ».

Это было в разгар «перестройки», когда на головы наших ветеранов обрушивалось все больше и больше обвинений, завершившихся вот этой жуткой кульминацией: «Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР...» Значит, они, теперешние ветераны (кто же еще?), виноваты, что этого «лучше бы» не допустили!

Не прошедшим ту священную войну, по-моему, невозможно вполне представить ошеломляющую силу воздействия такого изуверского психологического удара. Он воистину выбил у людей землю из-под ног. Что получалось? Жизнь прожита зря. Война, которая была главным в их жизни, оказалась никчемной и даже вредной. Герои – никакие не герои, враги – молодцы, предатели – настоящие патриоты. Впрочем, и патриотизм вскоре был объявлен «прибежищем негодяев». А Родина... Да чем уж тут гордиться, – начали яростно внушать из всех рупоров и со всех трибун, – за что любить ее, такую нелепую и ничтожную, коли «живут победители хуже побежденных». И никого она не освободила. На самом деле, оказывается, была она и есть – «империя зла»!

«Мир до невозможности запутан...» Вот когда выдохнула Юлия Друнина эту горестную строку.

Еще не понимала, не могла понять, как и многие, под напором нахлынувшего со всех сторон, что запутанность эта вовсе не случайная и совсем не стихийная, что она продумана и по-своему организована. Ах, эти романтики-идеалисты! Все-то они привыкли воспринимать с доверчивой бесхитростностью и чистотой. Для них по-прежнему друг был друг, хотя, может, давно уже таковым не был...

Сейчас, в новом посмертном сборнике, где некоторые ее стихи прочитаны мною впервые, я увидел: Друнина растерялась, когда начала вдруг ощущать, что друзья и враги странно смешиваются – порой невозможно разобрать, кто есть кто.

«Там было легче!» Как ни странно,
Я понимаю тех ребят,
Кто, возвратившись из Афгана,
«Там было легче», – говорят.

«Там было легче, – одноглазый
Спокойно повторял земляк, —
Поскольку ясно было сразу:
Вот это – друг. А это – враг».

Если бы она смогла тогда разобраться! Если бы все мы вовремя смогли...
«Не могу, не хочу смотреть!»

Смятение и внутренняя растерянность – вот что почувствовал я в ней очень скоро, при первых же встречах наших в те хитро запутанные «перестроечные» дни. Хотя внешне она старалась этого не выдавать. Какой запомнилась? Порывистой, всегда спешащей, энергичной и казавшейся очень практичной – «деловой». Это я после понял, что только казавшейся... Сама приезжала на машине. В редакционный кабинет не входила, а вбегала, разматывала шарф и распахнув кожаное пальто, которое тут же летело в кресло. И – скорее за стол: читать гранку или черновую газетную полосу.

Лишь когда все срочное бывало сделано, она, кое-как перекусив в буфете, позволяла себе просто поговорить. Это были разговоры о всяком и разном, но, естественно, прежде всего о нашей круто изменившейся жизни. Много в этой жизни крайне ее волновало!

Помню, меня даже несколько удивило поначалу, сколь легко она, известный поэт, приняла мое предложение писать публицистику для газеты. После, когда мы уже не раз поговорили, причем, по-моему, достаточно откровенно, я больше не удивлялся. Мне стало совершенно ясно: человек этот настолько остро переживает все перипетии происходящего, так близко к сердцу их принимает и до того нетерпеливо хочет поделиться своими нелегкими раздумьями с многочисленными читателями, что прямое публицистическое слово оказывалось здесь наиболее подходящим.

Главной темой из вороха тем, перемежавшихся у нас тогда в беседах, было соотношение нашего прошлого и настоящего. Понятно: она – поэт-фронтовик, а фронтовые годы подвергались все большему пересмотру.

– Вот купила газетку. «Начало» называется. Статья: «Кто победил под Москвой». А в журнале «Столица» еще более прямо: «Разгром советских войск под Москвой». Что вы думаете по этому поводу?

Она любила раньше, чем высказаться самой, озадачить вопросом. Но и своих мыслей и чувств сдержать не могла. А они, эти мысли и чувства, чаще всего, пожалуй, были связаны с судьбами ее сверстников – людей фронтового поколения. Ничто, кажется, не повергало ее в такое смятенное состояние, близкое к шоковому, как утверждение, что воевали мы зря. Известная, ставшая расхожей именно тогда байка о том, что, «если бы не победили, давно пили бы прекрасное баварское пиво и не знали никаких забот», раздражала ее до предела.

– Как можно такое говорить! – возмущалась она. – А не скорее бы из всех нас мыла надела?

Некоторое время спустя после ее смерти я познакомился с двумя ее одноклассниками, товарищами со школьных лет, двумя Борисами – Кравцовым и Афанасьевым. И оба подтвердили, насколько «зациклена» она была на этой теме.

Борис Васильевич Кравцов, кончивший войну начальником разведки дивизиона и ставший затем юристом, – Герой Советского Союза.

ИЗ РАССКАЗА БОРИСА КРАВЦОВА: «Вы знаете, у нас был создан московский клуб Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней. И вот – случай, который буквально потряс Юлю, когда она о нем узнала. На одного из членов нашего клуба, который только что выписался из госпиталя и, опираясь на палочку, возвращался домой, напала группа подростков. Избили, сорвали геройскую звезду. Да еще кричали всякие оскорбительные фразы. Это ведь стало таким распространенным – оскорбления в адрес армии, и особенно ветеранов! Когда я Юле про этот случай рассказывал, верите ли, у нее слезы на глазах появились. А это редкость для нее – слезы при людях.

В беседе той нашей я упомянул: многие мои товарищи говорят – лучше бы мы погибли тогда, чем дожить до такого. Юля слушала, слушала, а потом сказала: «Знаешь, я их очень понимаю».

Да, вовсе не преувеличенным было мое ощущение, что раскаленным гвоздем пронизывают ее неотступно страшная боль и горькая обида за свое поколение – поруганное, оплеванное, оскорбленное. Конечно же, это ворвалось и в стихи, обращаясь такими обжигающими душу строчками, как в поразившем меня тогда «Нет Поклонной горы»:

...В котлован,
Где бульдозеры спят,
Собираются мертвые однополчане —
Миллионы убитых солдат.
Миллионы на марше,
За ротую рота,
Голоса в шуме ветра слышны:
«Почему, отчего
Так безжалостен кто-то
К ветеранам великой войны?
Дайте, люди,
Погибшим за Родину слово,
Чутко вслушайтесь
В гневную речь.
Почему, отчего
Убивают нас снова —
Беспощаден бездарности меч...»

Сейчас, перечитывая это, я вижу не вполне точные слова. То был, разумеется, меч не чьей-то «бездарности», а расчетливой и рассчитанной операции по уничтожению достоинства народа, его истории, его армии, его славы. По уничтожению великого социалистического Отечества!

Но... Как сказал другой поэт, большое видится на расстоянии. Не только большое в добре – и во зле тоже. Можно ли обвинять сегодня поэта Друнину, что она тогда чего-то не различила, недопоняла или даже неверно поняла?

Одолевая подступавшее отчаяние, по-прежнему искала душевную опору в том, в чем была она для нее всегда и что теперь жестоко выбивали из-под ног. Снова и снова чувствую это, читая ее сборник, выпущенный дочерью Юлии Владимировны.

Вот она громко провозглашает, как бы бросая вызов всем, кто хулит людей в военной форме:

Я люблю тебя, Армия,
Юность моя!
Мы – солдаты запаса,
Твои сыновья.

Вот опять возвращается туда, где было труднее и страшнее всего, испытывая вроде бы странную, а на самом деле совершенно понятную ностальгию:

Ржавые болота,
Усталая пехота
Да окоп у смерти на краю...
Снова сердце рвется
К вам, родные хлопцы,

В молодость армейскую мою.

А вот говорит о Родине, на которую за последнее время вылиты столько грязи и яда, но у нее, дочери родной страны, чувство к ней – самое трепетное и нежное:

Только вдумайся, вслушайся
В имя «Россия»!
В нем и росы, и синь,
И сиянье, и сила.
Я бы только одно у судьбы попросила —
Чтобы снова враги не пошли на Россию.

И все же полностью удержаться на тверди привычных опор, которые до сих пор были неколебимо надежными, ей не удалось. Подумать только, даже ей (пусть ненадолго, пусть неглубоко, однако...) сумели-таки тогда внушить, что жизнь прожита «не так». Что чуть ли не все наше семидесятилетнее советское прошлое – ошибка. Что необходимо это прошлое – перечеркнуть.

О, для нее такое не просто, слишком не просто! Вы послушайте:

Живых в душе не осталось мест —
Была, как и все, слепа я.
А все-таки надо на прошлом —
Крест,
Иначе мы все пропали.
Иначе всех изведет тоска,
Как дуло черное у виска.

Это сперва она написала. Вроде бы решительно и твердо. Однозначно вроде. И вдруг, тут же, – наперекор себе:

Но даже злейшему я врагу
Не стану желать такое:
И крест поставить я не могу,
И жить не могу с тоскою...

Она мучилась. Она хотела, чтобы стало лучше. Не ей только – всем. Ради этого (с искренними надеждами!) пришла в избранный на новой основе Верховный Совет СССР. Но как передать то сложнейшее переплетение радости и досады, эпизодического удовлетворения и какого-то обвального негодования, которые слышались мне в ее признаниях этого времени?

Наверное, высшая точка сложного душевного процесса – ее решение выйти из Верховного Совета, о чем она стала говорить, когда это решение только-только у нее обозначилось.

– Я не могу больше, понимаете, не могу! – говорила она даже с каким-то не свойственным ей надрывом. – Ну зачем я там? Что могу сделать? Какой толк от всей нашей говорильни, если ни на что в жизни она по существу не влияет и все идет себе своим чередом?

Между тем уже не шло – катилось...

ИЗ РАССКАЗА НИКОЛАЯ СТАРШИНОВА: «Зная ее нелюбовь и даже отвращение ко всякого рода совещаниям и заседаниям, я был удивлен, когда она согласилась, чтобы ее кандидатуру выдвинули в депутаты Верховного Совета СССР.

Даже спросил ее: зачем?

– Главное, что побудило меня сделать это, – желание защитить нашу армию, интересы и права участников Отечественной войны, «афганцев».

А когда поняла, что ничего реального сделать невозможно, вышла из депутатов. Со свойственной ей решительностью».

ИЗ РАССКАЗА БОРИСА АФАНАСЬЕВА: «Юля несколько раз жаловалась мне на безрезультатность своих усилий в Верховном Совете. Мне-то всегда казалось, что эта неудовлетворенность у нее – в основном от особой совестливости и присущего ей максимализма: если уж делаешь что-то – обязательно чтобы был немедленный и зримый результат. А здесь такового не было. Вот и терзалась она, переживала всей душой. Сперва от депутатских денег отказалась: за что они? А потом и вовсе заявление подала о выходе...

Если бы все с такой ответственностью относились к своему долгу – служебному ли, семейному, нравственному! Совсем другой, думаю, была бы тогда наша жизнь, да и все отношения между нами были бы другими. Максимализма такого честного многим из нас сильно не хватает».

Заметим: честный максимализм, а точнее, максимализм честности. Не он ли позвал ее в августе 91-го к «Белому дому»? Она рванулась туда не как некоторые «предприниматели» – защищать свое нажитое, или попросту наворованное. Она, как и тогда, в 41-м, шла защищать идею справедливости и добра, которая казалась ей воплощенной в Ельцине, в новой российской власти. По крайней мере, сама она после объясняла мне примерно так.

И об этом была ее поэма, написанная под свежим впечатлением от событий. И о том же – последняя статья в «Правде», которая называлась «В двух измерениях». Это два измерения жизни и времени, в которых она жила: военное и сегодняшнее. А в связи с тремя днями, проведенными у «Белого дома», вспомнились ей слова популярной лирической песни: «Три счастливых дня было у меня...»

Пригрезилось, показалось. Теперь, в сборнике «Мир до невозможности запутан...», читаю:

И в смертной, должно, истоме
Увижу сквозь слезы вдруг
Студенточек в «Белом доме»
В кругу фронтовых подруг.

Это – «Белый дом» не 93-го, а 91-го года. Обманулась! Как многие, обманулась она...

Но сильным и высоким оказался в те дни ее душевный подъем. В чем-то она почувствовала себя снова девчонкой военных лет. Эта романтика: костры, греющиеся вокруг них парни с девчатами, дух обороны... Можно ее понять, вырвавшуюся из будничной прозы жизни к рискованному и возвышенному, как ей представилось, – освещенному идеей свободы.

Но... Вот опять это «но». Я спрашивал себя: а можно ли потом так скоро, буквально за несколько недель, пережить разочарование тем, чем, кажется, только что была всепоглощающе очарована? Я не считаю тех недель и не знаю по дням и часам, как происходил в ней труднейший процесс пересмотра и переоценки переломного августа. Охлаждающее отрезвление. Невидимым был этот процесс и для ее близких. Но что он происходил (и произошел!) – несомненно.

Уже когда шла в газету ее последняя статья, посвященная во многом августовским событиям, она стала говорить, что «как-то не так» оборачивается все вокруг.

– Скверно. А я думала, что будет просвет.

Тогда же очередное свое стихотворение начала так: «Безумно страшно за Россию»...

А вскоре родятся и самые исповедальные, прощальные ее строки:

Ухожу, нету сил.
Лишь издали
(Все ж крещеная!)
Помолюсь
За таких вот, как вы, —
За избранных
Удержать над обрывом Русь.
Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос
Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

ИЗ РАССКАЗА БОРИСА КРАВЦОВА: «Мы в те дни никак не могли созвониться. То я ее на заставал, то она меня. Потом наконец дозвонилась до моей мамы. И та сказала мне, что Юля была очень расстроенная. Дескать, бардак такой кругом творится. Она могла быть крайне резкой и слово это повторила несколько раз. Я понял, что ей плохо, даже очень плохо. Бросился опять звонить. Но – оказалось уже поздно».

Всегда драматично, если уязвимая душа поэта больно ранится, столкнувшись с неустроенностью и несправедливостью жизни. Честно говоря, я считал, что она, фронтовик, должна быть более выносливой к любым испытаниям, которые посылает судьба. Однако в последнюю нашу встречу нечаянно проговорила, что измучена бессонницей – уже много лет не может жить без снотворных и успокаивающих таблеток. Старшинов потом пояснил: «Это у нее от войны. Действительно, бессонницей мучилась ужасно, а в последнее время, насколько знаю, все сильнее».

Был и еще момент, который повернул ее неожиданной для меня стороной. Вычитывая полосу со своей последней статьей, она несколько замешкалась при сокращении «повисших» строк, и я, торопя ее, сорвался, повысил голос. Тут же увидел, как она нервно изменилась в лице. Но впопыхах не придавал значения. А вечером, повинувшись какому-то настойчивому внутреннему голосу, позвонил ей и искренне извинился. Она сказала коротко: «Спасибо. Хорошо, что позвонили». И я понял, что для нее это было небезразлично, даже важно – грубость моя невольная глубоко задела ее.

ИЗ РАССКАЗА БОРИСА АФАНАСЬЕВА: «Да, при всей своей энергичности и оптимизме она была ранимым человеком. Я позвонил ей дня за два до смерти и почувствовал, что она очень сильно переживает происходящее в нашей жизни. Услышал от нее и про тот самый бардак, и про бессонницу. Чем помочь ей? – думал я. Чем помочь? Мы договорились обязательно встретиться в ближайшие дни. Увы, встрече уже не суждено было состояться».

Воздастся каждому по делам его

Православные верят: так будет. Воздастся непременно. Конечно, хочется, чтоб было это еще при земной жизни и по возможности – скорее. Сегодня, когда мир вновь потрясен неслыханными злодеяниями «цивилизованных» варваров, даже ураган над американскими штатами может быть воспринят как справедливое возмездие. Только вот миновал президентский кабинет...

Православие осуждает самоубийц. Но как быть с теми, кто доводит людей до самоубийства?

На счету губителей нашей страны много чудовищных преступлений. И одно из самых жестоких – это судьба поколения, одержавшего победу в Великой Отечественной войне.

Юлия Друнина в статье незадолго до своей кончины написала: «Тяжко! Порой мне даже приходят в голову строки Бориса Слуцкого: «А тот, кто больше терпеть не в силах, – партком разрешает самоубийство слабым...»

Терпеть не в силах. Если это – человек, вытерпевший самую страшную войну, то как же ему должно быть плохо, как тяжело!

Воздастся каждому по делам его. Я верю: воздастся! Героям – вечная слава, предателям и убийцам – вечный позор. Так будет. Так обязательно должно быть.

Ее убивали дважды

29 ноября 1941 года в подмосковной деревне Петрищево гитлеровцы, пришедшие сюда как оккупанты, повесили восемнадцатилетнюю комсомолку, которая назвала себя Татьяной. Партизанка подожгла дома, где находились вражеские солдаты, и сарай с немецкими лошадьми; была схвачена при выполнении боевого задания и подвергнута жесточайшим, нечеловеческим пыткам, проявив сверхъестественное мужество и стойкость... Об этом, когда Петрищево освободили наши войска, страна узнала из очерка корреспондента «Правды» Петра Лидова «Таня». А позже стало известно ее настоящее имя – московская школьница, десятиклассница Зоя Космодемьянская.

Люди, помнящие войну, подтвердят, что значило для всех нас это имя. В самую трудную пору оно придавало веру и силы тем, кто их, казалось, утрачивал. Убежден: если бы даже мы не воспроизвели сегодня ее портрет, все равно перед мысленным взглядом едва ли не каждого моего сверстника возникло бы прекрасное девичье лицо, каким мы впервые увидели его тогда на фотографиях в газетах. А до того было другое фото – сделанное правдистом Сергеем Струнниковым у свежеразрытой могилы. Потрясающее, ставшее историческим. Голова мертвой девушки с разметавшимися по снегу короткими волосами и обрывком петли на шее, истерзанное врагами тело.

И все это вошло в нашу душу. Как волнующие строки написанной вскоре поэмы Маргариты Алигер «Зоя», как одноименный фильм, как книга матери – Любови Тимофеевны Космодемьянской – «Повесть о Зое и Шуре». Надо же! Зоин брат, танкист, павший смертью храбрых под Кенигсбергом, тоже стал Героем Советского Союза...

Мог ли я подумать, что на светлый образ героини моего детства и юности когда-нибудь падет черная тень? Нет, и в дурном сне такое не приснилось. Однако произошло.

Черная тень

Первым сообщил мне эту новость мой племянник – человек другого поколения, но, как и я, свято чтивший память Зои. Вернее, он не сообщил даже, а спросил:

– Дядя Витя, значит, Зоя Космодемьянская – вовсе не героиня?

– Откуда ты взял?

– В «Аргументах и фактах» напечатано.

Нет-нет, да и ловлю себя на мысли: наивный я все-таки человек! Вроде уж пора бы ничему не удивляться. Кажется, окончательно и бесповоротно доказано, что не было и просто не могло быть никаких героев в нашей стране за 74 года Советской власти. Ну по крайней мере до августа 1991 года. Не велено им быть, не разрешено. В других странах или у нас до октября 1917-го – пожалуйста. А после – ни в коем случае.

Может, впрочем, и не вполне оправданна эта моя ирония? Что толковать, ведь немало бывших героев, которым мы искренне поклонялись, не выдержав исторической проверки, в самом деле предстали вдруг перед нами за последние годы фигурами идеологически дутыми, а то и настоящими злодеями, подлецами. История делается делами людей, но пишется-то она перьями, причем не всегда добросовестными. Так что принцип «подвергай все сомнению» давайте признаем и будем следовать ему.

И все же, все же, все же...

Сдается мне, что и переписывать историю, как бы исправляя и уточняя ее, берутся перья не всегда добросовестные. Примеров тому наши последние годы тоже дают немало. Происшедшее с Зоей, думается, – один из них.

Напомню для тех, кто читал, и расскажу тем, кто не знает. В 38-м номере еженедельника «Аргументы и факты» за 1991 год появилась статья А. Жовтиса «Уточнения к канонической версии». Подзаголовок: «К обстоятельствам гибели Зои Космодемьянской». Что же «уточнил» неизвестный мне писатель?

Невероятно, но факт: исследованиями в статье и не пахнет. Жовтис ссылается на другого писателя – Н. Анова, ныне покойного, который когда-то (судя по всему, еще во время войны) вроде бы побывал в Петрищеве и от одной учительницы (безымянной!) услышал неожиданную версию, связанную с гибелью Зои. Под страшным секретом (все жители деревни были настолько запуганы советскими властями, что не могли говорить правду) она, дескать, сообщила: немцев в Петрищеве, оказывается, вообще не было. Они располагались «в другом населенном пункте» («к сожалению, я не помню, в каком именно», – походя делает сноску Жовтис). А в деревне Петрищево однажды ночью загорелась изба. Придя к выводу, что это поджог, на следующую ночь жители выставили караульных. И поймали девушку, которая пыталась поджечь другой дом. Караульные избили ее, затем втащили в избу к некоей Лукерье, а утром староста отправился к немцам и доложил о случившемся. «В тот же день девушка была повешена приехавшими в Петрищево солдатами спецслужбы...»

Вот вкратце «неканоническая версия», изложенная А. Жовтисом. Ну ладно, согласимся: при восстановлении исторической правды не стоит и слухи сбрасывать со счетов. Но их ведь, наверное, надо проверять! Человек же, называющий себя писателем, в данном случае не только не озаботился и не утрудился ни малейшей проверкой. Он даже общеизвестные и совершенно бесспорные факты извратил. Так, реальная и легко узнаваемая всяким более или менее осведомленным читателем Прасковья Кулик у него становится Лукерьей, перевираются инициалы матери Зои Космодемьянской... Мелочи? Допустим. Но они тоже говорят о методе автора.

Впрочем, об этом писателе, как и об Анове, достаточно хорошо и убедительно рассказал их коллега по перу Владимир Успенский, знавший обоих не один год, живший одновременно с ними в Алма-Ате. Он многие годы собирал материалы о Зое Космодемьянской, издал книгу о ней. В одном только согласиться с Успенским не могу. Дважды в своей статье он замечает: нелепостей у Жовтиса так много, «что нет необходимости опровергать или хотя бы перечислять их – они говорят сами за себя»; и далее: «Нет смысла опровергать, доказывать».

А по-моему, есть. Далеко не все нынче верят на слово даже самому квалифицированному специалисту. Далеко, далеко не все помнят и знают подробности событий многолетней давности, уверенно разбираются или хотя бы ориентируются в них. Да и сомнения после той публикации могут возникнуть: даже у меня, немало знавшего, началась в голове некоторая сумятица. Словом, я решил, что надо все еще и еще раз основательно перепроверить. Особенно после того, как в 43-м номере «Аргументов и фактов» появилась уже целая подборка писем «Зоя Космодемьянская: героиня или символ?», большинство которых по существу «развивают» и «углубляют» версию Жовтиса.

Немцев не было?

Я встретился тогда с боевыми подругами и друзьями Зои – их, живших в Москве, собралось двенадцать человек. Побывал в архиве, где хранятся десятки папок с материалами, относящимися к той давней истории. Наконец, промозглым и сумрачным ноябрьским утром 1991-го отправился в Петрищево, где поговорил со всеми жителями, помнящими 41-й год.

И что выяснилось? Начну с исходного, на мой взгляд: были или не были немцы в Петрищеве. Согласитесь, если их не было, то получается, что Зоя как бы боролась против своих.

Из показаний, написанных по-немецки пленным унтер-офицером 10-й роты 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии Карлом Бейерлейном:

«Уже 10 дней мы были в боях, и вот наконец пришло спасительное известие: смена. Наш батальон отошел в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тепло. Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. 4 избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова. Наше волнение быстро улеглось, и, выставив полроты для охраны от поджога остальных домов, мы довольно неудобно провели остаток первой ночи...»

Это – документ из архива. А старые люди, с которыми я виделся в Петрищеве, не просто подтверждали, что немцы стояли здесь, причем долго, до 14 января 1942 года, когда деревня была освобождена бойцами нашей 108-й стрелковой дивизии. Люди приходили в искреннее удивление от самого моего вопроса. Ведь оккупанты, заняв большинство крестьянских домов, поначалу даже выгнали жителей, которым пришлось перебраться в более глухие деревни за восемь – десять километров отсюда – в Богородское, Златоустово и другие. Только потом, после унижительных просьб и всяческих хитростей, удалось вернуться домой. Да и то ютились здесь кое-как – на кухнях да в запечках, спали на полу.

Мария Ивановна Шилкина, 62 года:

«Это как же немцев у нас не было? Битком набита ими была вся деревня. Почти в каждой избе, разве что кроме самых плохих, – по несколько человек. Мой старший брат сперва в лесу прятался. Нас же с сестренкой мама на санках в Златоустово перевезла. А когда мы вернулись, в домах немцы уже нары двухъярусные понаделали, чтобы спать на них, нам же места почти не оставалось».

Егор Степанович Тарасов, 63 года:

«У нас в доме жил какой-то важный немецкий начальник, офицер. Помню, по утрам приходили брить его. А вообще немцы размещались почти во всех избах. Когда Зоя подожгла соседний с нами дом Кареловых и сарай с лошадьми возле него, немцы выскакивали полуодетые. Это я тоже запомнил».

Много деталей, которые не придумаешь. К примеру, Антонина Семеновна Филиппова (ей 76 лет) рассказывала, что немцы устроили за ее домом кузню, где ковали и перековывали своих лошадей. Стоял во дворе молодой вяз – на ствол его нанизывали подковы. Они так и остались потом, заросли. Вяз нынче в обхват толстенный. «Распилите, – говорила Антонина Семеновна, показывая на дерево, – и увидите там железо это заросшее».

Мария Ивановна Седова (сейчас 81 год) и ее дочери Валентина и Нина (было им тогда соответственно 11 и 9 лет) жили в доме на самом краю деревни, куда немцы сначала привели схваченную Зою и где обыскивали ее. Так вот, в этом доме тоже было полно незваных постояльцев. Они и кур перестреляли на еду, и овец, поросенка, и корову у бабушки Седовой. Перед Рождеством елку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили ее в комнате. Перепились, бросались бутылками в стену, орали песни. А потом вывалились на улицу. Известно, что тело казненной Зои оставалось на виселице – для устрашения жителей – полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты еще раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь...

А насчет того, что подожгла Зоя три дома (унтер Бейерлейн ошибся, назвав по памяти четыре), в газетах писалось уже тогда, вскоре после событий. Известны и фамилии владельцев этих домов – Кареловы, Солнцевы, Смирновы.

Кто поймал Зою? У Лидова в первом очерке сказано: в тот момент, когда она собиралась поджечь конюшню, где стояли обозные лошади, часовой подкрался и обхватил ее сзади руками. Уточню: первым Зою заметил один из местных жителей, которых после поджога немцы тоже выставили в караул. И схватил ее или он сам, или солдаты, которых он позвал.

Кто ее истязал

Да, в истории все гораздо сложнее, нежели в газетном очерке, написанном даже талантливым и честным журналистом, но оперативно, срочно, когда для подробного расследования просто не было времени. Учтем и суровые тогдашние военные табу. Что-то в очерк не вошло просто из-за недостатка места, что-то, возможно, было опущено сознательно, а какие-то моменты были переданы не совсем точно. Все это так. В подтверждение жизненной сложности обстоятельств могу привести не только факт поимки Зои, но и ряд других. Скажем, хозяева сожженных домов (а не только немцы) вполне естественно досадовали, оставаясь без крова. Кто-то из них, когда Зою схватили, прямо сказал ей об этом, кто-то даже ударил ее. Но достаточное ли это основание, чтобы утверждать теперь, что избили Зою жители деревни, а никаких фашистских зверств, о которых в свое время столько писалось, совершенно не было? Ведь так же получается в статье Жовтиса!

Из показаний унтер-офицера Карла Бейерлейна: «На следующий день по роте пронесся шум и одновременно вздох облегчения – сказали, что наша стража задержала партизанку. Я пошел в канцелярию, куда двое солдат привели женщину. Я спросил, что хотела сделать эта 18-летняя девушка. Она собиралась поджечь дом и имела при себе 6 бутылок бензина. Девушку поволокли в помещение штаба батальона, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер. Через переводчика он хотел не только добиться признания, но и выяснить имена помощников. Но ни одно слово не сорвалось с губ девушки... На улице ее продолжали избивать до тех пор, пока не пришел приказ перенести несчастную в помещение. Ее принесли. Она посинела от мороза. Раны кровоточили. Она не сказала ничего...»

Так это было. О пытках, жестоких мучениях, которым была подвергнута фашистами Зоя, рассказывала в свое время Прасковья Кулик – хозяйка дома, где все это происходило. Рассказывали и хозяйки других домов, где допрашивали Зою, – Воронина, уже знакомые нам Мария Седова с дочерьми, которые живы до сих пор. Кошунство отрицать это сейчас! Кошунство подгонять под новую заданную схему то, что произошло в Петрищеве тогда!

А ведь Жовтис именно подгоняет.

«Трагедия в подмосковной деревушке, – пишет он, – явилась результатом того, что, срочно создавая партизанские отряды из готовых к самопожертвованию во имя правого дела мальчиков и девочек, их, видимо, ориентировали на осуществление тактики «выжженной земли». Ведь, как свидетельствует участник событий писатель В.И. Кожин, «отряды подрывников уничтожали не только стратегические объекты, но и прихватывали обычные селения».

Что сказать? Хорошо, по-моему, написала об этом семья Лидова в «Аргументы и факты» (увы, редакция не сочла возможным или нужным напечатать это место из письма, как и многое другое из прочих писем, «невыгодное» и «неудобное» для этой газеты). Цитирую:

«У войны не женское лицо. Почти дети уходили на фронт и становились одновременно ее героями и заложниками, поджигали свои дома, чтобы в них сгорали чужие. Бывало, люди палили и собственные хаты. Из сегодняшнего далека можно пожалеть не только о сожженных пятистенках, но и о сгоревших лошадях. Но то было другое, жестокое время, которое нужно мерить его же собственной меркой».

Разве неверно сказано? О том же, хоть и по-своему, говорила мне в Петрищеве старая крестьянка Мария Ивановна Шилкина: «Да можно ли судить о военном времени с нашей нынешней колокольни? Надо в ту пору вникнуть...»

Нет, Жовтис внушает свое: «Заблуждался ли П. Лидов, обманутый смертельно запуганными жителями деревни, или сам создал выгодную сталинской пропаганде версию событий, но именно эта версия стала признанной и вошла в историю».

Об этике и совести

Однако и этим «работа» газеты, охотно пошедшей вслед за сенсационным автором, не кончилась. Многое из того, что специально отобрано для публикации откликов, я бы назвал уже полным беспределом.

Представьте себе, нашлись медики из ведущего научно-методического центра детской психиатрии, которые написали (а редакция опубликовала!) письмо со ссылкой на историю болезни 14-летней Зои. Замечу: на историю, которой в архиве больницы нет – якобы изъята после войны. Но, положим, она была. И о чем же это свидетельствует? Что Зоя Космодемьянская, признанный эрудит и школьная отличница до 10-го класса, из которого ушла воевать, – психически больной человек, шизофреник? Говорят, Жанне д'Арк порой слышались неземные голоса, но французам и в голову не придет объявлять свою национальную героиню сумасшедшей. Неужели не стыдно вам, врачи-соотечественники? И вам не стыдно, коллеги из «Аргументов и фактов»?

Владимир Успенский правильно поставил вопрос об этике писателя. Но есть еще и этика врачебная, этика журналистская. Есть и редакционный профессионализм, который не позволяет – при любой гласности и свободе слова – публиковать заведомую нелепость. А именно таковой я считаю заметку некоего В. Леонидова из Москвы, напечатанную в той же подборке писем.

Автору хочется доказать, что Зоя – это вообще не Зоя, а кто-то другой. И он ставит под сомнение опознание тела, проводившееся после освобождения Петрищева зимой 42-го года. Причем как это делает!

«Расскажу вам, что я слышал примерно в 1948 году от жителей д. Петрищево», – так начинает он. Опять «слышал»... Ну ладно. А что же слышал-то?

«Бои в Петрищеве не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, ее снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательств над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознавала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, драка за право признать погибшую своей дочерью. Побоище было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Ну почему Зоя назвалась Таней – давно и широко известно: по имени своей любимой героини Гражданской войны Татьяны Соломахи. Но вдумайтесь как следует в то, что вы читали. Я уж не говорю еще об одном грязном кощунстве, относящемся на сей раз к матери Зои. Однако оскорблена-то, по сути, не только она, потерявшая на войне дочь и сына, посевшая и оглохшая от нервного потрясения при опознании дочери. Оскорблены и многие неназванные матери, тоже приезжавшие к могиле в надежде найти свое пропавшее без вести дитя. Но вы вдумайтесь: того, что описано, просто не могло быть по элементарной логике!

Получается: при первом приезде комиссии и матерей Зою не опознали. И тем не менее вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Но кому же присвоили? Бесфамильной Тане? Такого, естественно, не было и не могло быть. Бесфамильным, неизвестным званием и наград не выдавали. Звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года. Акт опознания, который я держал в своих руках, будучи в архиве, подписан 4 февраля. Значит, не было уже надобности после этого вторично вскрывать могилу и свозить матерей. Невозможен был никакой спор, а тем более драка, побоище (!) за право стать мате-

рию Героя Советского Союза. Мать уже была установлена. Где же она, логика? Как же можно было не заметить явной нелепости? Нет, скорее всего сознательно «не заметили», потому что нелепость-то выгодная...

Раз уж речь зашла об опознании, скажу немного, как это было на самом деле. Жителям Петрищева, близко выдавшим Зою (а таких оказалось немало), показали фотографии нескольких девушек из разведывательно-диверсионной части 9903 под командованием майора Спрогиса, – девушек, пропавших за последнее время без вести. Мария Ивановна Седова и две ее дочери сказали мне: принесли целую стопу комсомольских билетов с фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – признали Зою.

Это первое. Второе: на опознание, кроме Любви Тимофеевны, знавшей некоторые интимные приметы дочери, приехала также ближайшая подруга Зои по отряду – Клава Милорадова. Незадолго они вместе были в бане, и какие-то приметы запомнились. Нашлись и характерные предметы одежды.

Но и это еще не все. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера, а потом уже в 1945 году, в Германии, были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что ее казнь гитлеровцы фотографировали, писал еще в своем первом очерке Лидов). Так вот, на этих фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зоя узнается совершенно четко и, кажется, безошибочно.

Какие мы сегодня

Кстати, свидетелем неожиданного продолжения той истории я стал, приехав в Петрищево. Здесь, в музее, мне показали недавнее письмо из Воронежа от юриста Игоря Юрьевича Дубинкина. К нему от умершего отца, работавшего в саратовской областной газете, попала фотография (не репродукция – подлинник!), на которой воспроизведен еще один, ранее неизвестный ракурс Зоиной казни. Игорь Юрьевич поспешил послать этот уникальный снимок в петрищевский музей, сопроводив искренним, прочувствованным письмом.

О, благодарная человеческая память! Не все мы, к счастью, утратили ее, не все окончательно озверели в эти смутные годы. Есть и настоящие люди среди нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.